
ДОСТИЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ (сопоставительный аспект)

И.А. Быкова, Е.А. Нотина

Кафедра иностранных языков
Аграрный факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сопоставительному исследованию когнитивно-дискурсивных факторов опосредованной межъязыковой коммуникации, связанных с национально-культурной спецификой языковой картины мира.

Ключевые слова: язык, межкультурная коммуникация, перевод, эквивалентность, когниция, смысл, имплицитность, языковая картина мира.

Современное переводоведение рассматривает перевод как особый вид коммуникативной деятельности, связанный, среди прочего, с умением функционально обобщать и представлять структуры знаний посредством категоризации и концептуализации, что в конечном счете является демонстрацией и подтверждением главного свойства перевода как системы, а именно, его интерпретирующей сущности (В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Г.В. Чернов и др.).

Язык и культура, как известно, относятся к знаковым системам, которые кодируют одни и те же феномены действительности, однако делают это различными методами [9. С. 225—226]. В этой связи представляется чрезвычайно важным в утверждении Е.А. Нотиной о том, что «семиотическое родство языка и культуры позволяет рассматривать их во взаимосвязи, дает возможность исследовать функционирование текстов в национальном языке, национальной культуре, социально-общественной жизни всего мирового сообщества» [6. С. 123].

В силу того, что отправные точки теории перевода связаны с речевой деятельностью, т.е. коммуникативным уровнем, который предполагает выявление общих закономерностей взаимодействия лингвистических и экстралингвистических формантов смысла как в процессе порождения, так и восприятия текста в исходном языке и языке перевода, «именно когнитивный подход с его обращением к структурам знания и конвенциональным способам их объективации» [2. С. 10].

Лексическая объективация как определенный знак в конкретной коммуникативной ситуации представляет значительный интерес с точки зрения теории перевода и компаративистики в целом, где перевод используется в качестве метода сопоставления. Так, например, сопоставление испанских, английских и русских лексикологических фактов позволяет наглядно выявить двухплановую национальную специфику испанского и английского языков, которая ярко проявляется в безэквивалентных и фоновых лексических единицах (ЛЕ) как знаках конкретной сложившейся в данных культурно-исторических и социально-экономических ус-

ловиях ситуации [1. С. 35] (ср.: «дедовщина» (рус.) — “novatadas militares” (Esp.) — “hazing” (Am.); “momios” (Chile) = reaccionarios (Esp.); “escoria, gusanera, gusanos” (Cub.) = contrarrevolucionarios (Esp.); “box” (Brit.) — “tube” (Am.) — “telly” — “television”: “Less box, more books”; и т.п.).

Когнитивные пространства, как принято считать, национально детерминированы и маркированы. Принятие переводческого решения, как правило, определяется своеобразием языков, участвующих в переводе, сходством и расхождением при сопоставлении национальных языковых картин мира, особенностями действительности исходной культуры и т.д., так как тексты создаются на конкретных языках, в конкретных социально-культурных условиях и характеризуются принадлежностью к определенной культуре.

Так, например, в сфере научной коммуникации представляется важным с теоретической точки зрения тот факт, что специфика языковой картины любого языка раскрывается как на фоне языковых картин других языков, так и на фоне общего для всех инварианта научного знания. Знание и первоначальная форма его оформления нераздельны в силу того, что изначально кодирование инварианта происходило с помощью национального языка, поэтому разделение содержательного инварианта научного знания и языковой формы его выражения в определенной степени условно. Тем не менее следует заметить, что научная картина мира получает в каждом национальном языке свою национальную форму выражения, иначе говоря, национальная научная картина мира — это национальное оформление единой, общей для всех научной картины мира.

Интенциональное воздействие на адресата оказывается адресантом в ходе решения конкретной коммуникативной задачи передать свое представление о событии или мире в целом сквозь призму определенных концептуально-ценностных ориентиров, что и происходит, в частности, если за конкретной ЛЕ закреплено общепринятое представление целой ситуации, имеющее определенные прагматические параметры. Подобное представление ситуации, как правило, соотносится со сложившимся комплексом представлений, известным адресату оригинала, в то же время оно может расходиться ввиду его конвенциональности с ассоциациями в другой языковой культуре, приводить в конечном итоге к искажению прагматического и коммуникативного эффекта из-за неспособности объективно запечатлеть информацию о мире, показать результат референции (ср. Крестовые походы с позиции русского, испанского и арабского языков и культур).

Выход за пределы собственно языкового аспекта при описании речевой деятельности стал особенно необходимым в случае обращения к деятельности использования языка в социально-общественном контексте, при изучении языка как выразителя определенной системы мировосприятия, определенной системы взглядов и ценностей [3. С. 11].

Исследование исключительной роли, которая принадлежит языку в осмыслении мира и в процессе общения людей, может осуществляться с точки зрения «изучения динамики глубинных процессов человеческого мышления, выявления механизмов когнитивной деятельности, объяснения закономерностей концептуальной

картины мира, специфики и ограничений, привносимых конкретным дискурсом и коммуникативной ситуацией, иными словами, всего, что связано с центральными категориями переводоведения — адекватностью и эквивалентностью, инвариантом в переводе» [2. С. 13].

Сопоставление оригинала и перевода с точки зрения качественных и количественных различий говорит о необходимости осуществления определенных модификаций исходного текста в целях достижения равноценного восприятия оригинала и перевода и адаптации последнего к лингвоэтнической коммуникативной компетенции иноязычного адресата (Ср.: А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров, Г.В. Чернов, З.Д. Львовская и др.). При этом в условиях межъязыкового посредничества или перевода речь идет о необходимости адекватно передать в другом языке и культуре своеобразие социально-коммуникативного опыта соответствующей языковой общности.

Культурно-когнитивные пресуппозиции общения отражают, как правило, «сложную систему личностных и социально-общественных, а также пространственных и временных координат» [4. С. 5]. Следует отметить, что при одинаковом наборе универсальных для большинства народов и культур концептов существуют присущие конкретному народу соотношения между этими концептами, которые создают основу для национального видения и оценки мира. Немаловажным в этой связи представляется тот факт, что в национальных языках такие общечеловеческие концепты группируются и вербализуются различным образом в зависимости от лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а следовательно, и фиксируются в разных значениях.

Для успешной коммуникации требуется наличие когнитивного пространства, в котором определенным образом объективируются структуры знания и человеческого опыта, осмысления мира и его оценки с помощью языка. Таким образом, можно констатировать, что имплицитность оригинала в значительной степени сохраняется или остается неизменной при переводе в случае, если это не требует актуализации неизвестных для адресата на ПЯ фоновых знаний, на основе которых происходит формирование имплицитного смысла оригинала.

Сходство окружающей действительности (и как результат сходство описываемых в ИТ и ПТ ситуаций) порождает близость концептуальных систем разноязычных коммуникантов, что обуславливает привлечение сходных пресуппозиций и приводит при адекватном переводе к совпадающим смысловым выводам из содержания высказывания: «в процессе перевода происходит сопоставление концептуальных картин мира первичного отправителя информации (автора) и первичного получателя информации — переводчика. Для достижения эффективной коммуникации необходимо, чтобы степень совпадения концептуальных систем отправителя информации и переводчика была как можно более высокой» [7. С. 25].

В силу того, что в процессе восприятия текста иноязычным адресатом могут возникать определенные трудности как объективного, так и субъективного характера, поскольку «среда, в которой он функционирует — это культура и социум» [6. С. 123], встает вопрос о преодолении возникающего при контакте двух культур

дифференциала в знаниях, представлениях, ассоциациях и др., в том числе национальных концептосфер. При этом следует еще раз подчеркнуть, что глубина понимания у получателя текста как на исходном языке, так и на языке перевода будет зависеть от множества импликатур, которое он способен извлечь из этого текста [8]. В процессе построения высказывания прагматика слова, как правило, не отражается эксплицитно, а присутствует имплицитно, обеспечивая эффективность общения.

При переходе с одного языка на другой взаимосвязь языковых значений и речевого смысла может проявляться в том, что передача одного и того же смысла будет обусловлена конкретными способами предпочтительного описания референтной ситуации.

В испанском языке словосочетание “*cine de boina*” образовано по линии метонимического переноса, смежной связи. В метонимии, как правило, смежными являются реальные свойства того, что уже обозначено, и нового обозначаемого. “*Cine de boina*” воспринимается в испаноязычном сообществе с опорой на имеющиеся знания о мире и на основе умозаключения, заключаемого в соответствии с моделью *pars pro toto*. Согласно мнению Е.С. Кубряковой, метонимия используется для связи ментальных пространств: *toto* как целостная сущность (киножанр «боевик», “*cine*”) характеризуется по ее части *pars* (“*boina*”), вербализуемой в качестве мотива наименования [5. С. 32] в результате действия метонимии. Иными словами, когнитивное моделирование происходит с привлечением ассоциаций, связанных с общепринятыми и общеизвестными предметами действительности и самим явлением как таковым. Компонентный анализ слова «боевик» и словосочетания “*cine de boina*” показывает, что семантические процессы, происходящие в структуре их значений, можно представить в виде следующей модели: «предмет экипировки — специально обученный человек, десантник — действия, которые выполняет этот человек». В испанском словосочетании “*cine de boina*” происходит актуализация потенциальной семы, содержащей побочные характеристики объекта: конкретизирующая сема “*boina*” — предмет экипировки — составляет фокус значения и становится дифференциальной в новом словосочетании. Процесс метонимического переноса идет по линии замены дифференциальной семы исходного значения «человек, выполняющий опасные задания» и дифференциальной семы нового значения «киножанр» на основе общей семы “*boina*” — предмет экипировки».

Пример: “*Ultimamente se ha hecho mucho cine de boina. El mito de las artes marciales está viviendo un nuevo boom gracias a las nuevas tecnologías que permitirán el hasta ahora improbable encuentro entre actores de diferentes generaciones. Recientemente imágenes digitales han sido usadas para sustituir a actores para evitar una parada en el rodaje de la película The Crow (EL cuervo)*”.

(Cambio 16, 22 de julio de 1998, 12)

В русском языке смежными являются реальные свойства того, что уже обозначено: «солдат—десантник (спецназовец) — боевик» и нового обозначаемого — киножанра «боевик». Сема «специально обученный и экипированный человек, принимающий участие в боевых действиях повышенной опасности» приобретает

статус общей дифференциальной семы, актуализирующей признак «опасность, бурное развитие действий», сопоставимый с самим объектом и его характеристиками в испанском и русском языках. Налицо совпадение прагматической информации, основанной на фоновых знаниях и представлениях коммуникантов о характере действий и внешнем виде солдат спецподразделений. Эти знания соотносятся с импликационалом языковых единиц в испанском и русском языках.

Существуют различия в прагматической маркированности лексических единиц в зависимости от ареала использования испанского языка. Данные анализа периодической печати подтверждают факт ограничения в употреблении фонового словосочетания “*cine de boina*” территориальным параметром, т.е. использованием только в пиренейском варианте испанского языка.

Двуязычные словари Кальво [10], Нарумова [11] на слово «боевик» (фильм) приводят значения “*película sensacional*”, “*superproducción*”, “*película de temporada*” (словосочетание “*cine de boina*” в этих словарях отсутствует), которые, по мнению информантов из Испании и Латинской Америки, не способны обеспечить достаточное понимание предмета речи, создают неопределенное впечатление о денотате. В Латинской Америке наиболее распространенным выражением для передачи понятия «боевик» (фильм) является словосочетание “*película de acción*”.

Передача словосочетания “*cine de boina*” русским «боевик» возможна, таким образом, на основе актуализации потенциальных сем, находящихся в импликационале значений этих языковых единиц за счет достижения их совместимой имплицативности в ИЯ и ПЯ и совпадения ассоциаций, способствующих возникновению дополнительного смысла, адекватно отображающего внеязыковой объект как знак ситуации средствами ПЯ и обеспечивающего равноценное восприятие оригинала и перевода в силу адаптации последнего к лингвоэтнической коммуникативной компетенции иноязычного адресата. В условиях опосредованной межъязыковой межкультурной коммуникации благодаря одинаковому социокультурному контексту они соотносятся с одинаковыми референтами и вызывают предсказуемые стереотипные ассоциации. Следует особо отметить при этом, что межвариантная специфика испанского языка предопределяет необходимость сопоставления и передачи культурно-этнического компонента, определяющего специфику семантики соответствующих единиц как отражение языковой картины мира его носителей.

Для теории и практики перевода подобный подход представляет особое значение с позиций когнитивной лингвистики, так как обуславливает необходимость обращения к когнитивным механизмам членения мира на абстрактном уровне, а также обеспечивает достижение коммуникативной эквивалентности текстов на ИЯ и ПЯ, в том числе сквозь призму сопоставительного изучения соотношения языковых средств со структурами знания в условиях акта опосредованной двуязычной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Быкова И.А. Когнитивно-прагматические основы межъязыковой межкультурной коммуникации: текст, дискурс, перевод (теоретический курс). — М.: Изд-во РУДН, 2005. [Bykova I.A. Kognitivno-pragmatichrskiye osnovi mezhyazicovoy kommunikatsii: tekst, diskurs, perevod (teoreticheskiy kurs). — М.: Isd-vo RUDN, 2005.]

- [2] *Кубрякова Е.С.* Слово в дискурсе. Текст и дискурс // Сб. науч. тр. Ряз. гос. пед. ун-та им. С.А. Есенина. — Рязань, 2002. — С. 7—10. [*Kubryakova E.S.* Slovo v dikurse // Tekst i diskurs: Sb. nauch. tr. Ryaz. gos. ped. uni-ta im. S.A. Esenina. — Ryazan, 2002. — S. 7—10.]
- [3] *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Сб. обзоров. — М.: ИЯ РАН, 2000. — С. 8—22. [*Kubryakova E.S.* O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike // Sb. obzorov. — M.: IYA RAN, 2000. — S. 8—22.]
- [4] *Кубрякова Е.С.* О типах дискурсивной деятельности // Вестник МГЛУ. Вып. 478. — М.: МГЛУ: Типография Сарма, 2003. — С. 5—10. [*Kubryakova E.S.* O tipah diskursivnoy deyatelnosti // Vestnik MGLU. Vip. 478. — M.: MGLU: Tipografiya Sarma, 2003. — S. 5—10.]
- [5] *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004. [*Kubryakova E.S.* Yazik i znaniye. — M.: Yaziki slavyanskoy kulturi, 2004.]
- [6] *Нотина Е.А.* Общий и сопоставительный анализ языкового оформления структурно-композиционной организации научной статьи (на материале испанско-русской комбинации языков) // Вестник РУДН. Серия «Иностранные языки». — 2004. — № 1. — С. 123—127. [*Notina E.A.* Obshiy i sopostavitelnyy analiz yazikovogo oformleniya strukturno-kompozitsionnoy organizatsii nauchnoy statyi (na materiale ispansko-russkoy kombinatsii yazikov) // Vestnik RUDN. Seriya “Inostranniye yaziki”. — 2004. — № 1. — S. 123—127.]
- [7] *Нотина Е.А.* Фоновые знания переводчика в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». — 2004. — № 1. — С. 23—31. [*Notina E.A.* Fonoviye znaniya perevodchika v aspekte kognitivno-diskursivnoy paradigmi lingvisticheskikh issledovaniy // Vestnik RUDN. Seriya “Voprosi obrazovaniya: yaziki i spetsialnost”. — 2004. — № 1. — S. 23—31.]
- [8] *Чернов Г.В.* Импликативность и перевод. «Тетради переводчика». Вып. 22. — М., 1987. — С. 17—29. [*Chernov G.V.* Imlikativnost i perevod. “Tetradi perevodchika”. Vip. 22. — M., 1987. — S. 17—29.]
- [9] *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [*Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskiye aspekti. — M.: Shola “Yaziki russkoi kulturi”, 1996.]
- [10] *Кальво Л.М.* Русско-испанский, испанско-русский словарь. — Sopena, Barcelona. [*Kalvo L.M.* Russko-ispanskiy, ispansko-russkiy slovar. Sopena, Barcelona.]
- [11] Испанско-русский словарь / Под ред. Б.П. Нарумова. — М.: Русский язык, 1988. [Ispansko-russkiy slovar / Pod red. B.P. Narumova. — M.: Russkiy yazik, 1988.]

THE ACHIEVEMENT OF COMMUNICATIVE EQUIVALENCY BY MEANS OF INTERLINGUAL MEDIATED COMMUNICATION

I.A. Bykova, E.A. Notina

Foreign Languages Chair

Agrarian Faculty

Peoples' Friendship University of Russia

Miklucho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the comparative analysis of cognitive-discourse factors of the mediated interlingual communication connected with national-cultural specification of the language worldview.

Key words: language; intercultural communication; translation; cognition; equivalence; sense; implicity; linguistic worldview.